

Беседа митрополита Антония о Литургии, 2001 г.

(XVII Беседа из цикла «Храм и Богослужение»)

Чем дальше идут наши беседы, тем мне делается страшней их проводить. Когда мы говорили о вещах как бы общеизвестных: о молитве как учат о ней отцы Церкви, я мог опираться на их учение, цитировать их слова, а теперь я хочу перейти к теме, которая меня пугает: это вопрос о том, что совершается в Божественной литургии, и может быть, даже шире, в таинствах, но я буду говорить особенно о Божественной литургии. Кто совершитель этого таинства? Каково наше участие в нем?

И тут я, конечно, могу повторять то, чему меня когда-то учили, но кроме этого, мне хочется сказать несколько вещей, которые мне не пришлось вычитывать и которые меня как верующего и как священника глубоко волнуют. Я буду говорить о том, о чем у меня есть какие-то проблески понимания, проблески, которые мне были подарены моими наставниками, чтением, но я хочу дерзнуть, я хочу осмелиться говорить с точки зрения того, что я сам как бы переживаю. Я прошу вас, помолитесь, чтобы то, что я говорю и буду говорить, не было Богу оскорблением. Я буду говорить за пределом своего знания, потому что то, о чем речь идет, непостижимо. Это можно пережить минутами глубоко-глубоко, и это западает в душу. Но цельной картины никто, кроме святых, не мог видеть, да и те видели каждый с какой-то точки зрения, изнутри какого-то личного опыта, своей личной зрелости и того, что Бог хотел им открыть, чтобы они открыли другим людям. Я буду говорить не о том, что знаю цельно, буду говорить о том, что мне удалось уловить благодаря наставникам моим, почуять при совершении Божественной литургии и таинств и благодаря общению — общению с вами, общению с другими людьми. Это не потемки, это такая глубина тайны, в которую я проникнуть не могу, но минутами бывают блески понимания, которым я хочу с вами поделиться. Еще раз скажу: помолитесь Господу, чтобы то, что я скажу, не было ложью — ложью о Нем, ложью о том, что совершается в таинствах Церкви.

Кто-то давным-давно определил Церковь как Богочеловеческое общество, общество, где полностью присутствует Бог Единый во Святой Троице и где полностью присутствует все человечество: и праведники и грешники. И таинство, тайна, в которую вовлечено не только человечество, но вся тварь, потому что когда совершается Божественная литургия, то хлеб, вино делаются Телом и Кровью Христовым, и через это вся тварь видит себя преображенной, такой, какой она жаждет быть, когда придет время, когда Бог будет Всем во всем, как говорит Священное Писание, не только в человеке, не только во святых, не только в человечестве в целом, но во всем, что Бог создал, когда все будет пронизано Его присутствием и Его Божеством.

На минуту остановлюсь на одном: когда-то священник один уже на старости лет совершал Литургию вместе с сослужащими ему братьями. От старости он сел в сторону и слушал, и смотрел. И он увидел не в каком-то видении, а в каком-то понимании, не чудесным образом, а в том чуде, которым Божия истина открывается человеку в недрах его, он увидел этот хлеб, увидел это вино уже освященные, которые стояли на Престоле, на месте заклания и на месте воцарения Христа Спасителя. И вдруг он уловил нечто, чего раньше никогда и не подозревал, о чем он никогда не думал: это то, что этот хлеб и вино, да, стали Телом и Кровью Христовыми, но при этом непостижимым образом оставались собой, освященными, преображенными, ставшими уже теперь тайной будущего века, когда как я только что сказал, Бог будет Всем во всем. И вся тварь, весь мир, все мироздание могло смотреть на этот хлеб и вино, ставшие Телом и Кровью Христовыми, и видеть себя таким, такой, какой она будет, когда одержана будет последняя победа Бога над злом, и когда вся тварь будет преображена, будет ликовать в единстве своем и с Богом и с человеком через Богочеловека Иисуса Христа.

Когда мы ставим перед собой вопрос о том, кто совершители этого таинства, мы должны помнить, как я уже сказал, что Церковь — это Богочеловеческое общество, это общество, где полнота Святой Троицы присутствует, является сердцевиной всего: и человечества, которое различным образом связано и приобщено ко Святой Троице (к этому я еще вернусь), но еще за пределом этого, всей твари, всего вещественного мира, потому что в лице хлеба и вина весь мир себя узнает пророчески, каким он призван быть в конце времен. Когда мы совершаем Литургию, все сосредоточено в одной как бы точке, потому что тут нет ни пространств, ни времени, но есть встреча и приобщенность.

Если поставить вопрос самым резким образом: кто совершитель Божественной литургии (и любого, в сущности, таинства, но Божественной литургии особенно), можно ответить только одно — Христос и Дух Святой — Бог, не мы. Никакая священническая благодать, даже никакая человеческая святость не может дать человеку ни права, ни власти принудить Бога воплотиться в хлеб и вино, и никакая человеческая власть не может этот хлеб и это вино соединить с Божеством Христа силой Духа Святого. Поэтому если мы говорим о том, Кто Совершитель Божественной литургии, то это Христос: *Ты Приносящий и Приносимый, и Приемлющий и Раздаваемый*, и Дух Святой. А какое же наше участие? Оно очень, очень ответственное и различное.

В первую очередь мы должны помнить и помнить остро, помнить всем существом, что вся Церковь участвует в совершении этого таинства, потому что, как я сказал раньше, Церковь — это Богочеловеческое общество. О том, что оно Божественное, я только что сказал, но оно человеческое, и все мы участники, без нашего участия не может совершиться никакое таинство, так же как я вам уже упоминал слова св. Григория Паламы о том, что воплощение Христово было бы так же не возможно без согласия Божией Матери стать сосудом воплощения, как без воли Отца. Только потому что Она могла из глубин Своей непостижимой чистоты и веры, и приобщенности к Богу, только потому что Она могла сказать слово согласия: да будет Мне по воле Твоей, - могло совершиться самое воплощение. И тут в какой-то мере, несмотря на нашу греховность, на наше недостоинство, несмотря ни на что! — без нас не может совершиться таинство даже Божественной литургии. Мы должны сказать решающее слово веры, мы должны сказать слово нашего посвящения Богу. И поэтому так важно помнить, что каждый из нас — мирянин, священник, епископ — каждый из нас в равной мере, хотя по-разному — совершитель этой тайны. Если бы мы это немножко больше понимали, то мы понимали бы, почему не положено священнику совершать Божественную литургию в отсутствие всякого народа, в одиночку: потому что ему не дана власть над хлебом и вином, ему не дана власть над Телом и Кровью. Только полнота Церкви, в центре которой, в сердцеvine которой находится Троица, может это совершить. И это так важно нам помнить, потому что если мы это помнили бы, мы не присутствовали бы на Литургии будто извне: вот они, духовенство, нечто совершают, а мы нечто переживаем. Нет! Мы переживаем и должны бы переживать больше, чем переживаем, но мы и участвуем в этом. Не положено священнику в одиночку совершать Литургию, потому что он не благодатью, ему данной, а в единстве Церкви, народа Божия и Бога, ее совершает.

Правда, мы знаем, что некоторые подвижники совершали Божественную литургию, но они были так едины с Церковью невидимой, со святыми, с ангелами Божиими, что они не в одиночку ее совершали, а совершали ее в полноте торжествующей Церкви. Пример тому — святитель Феофан Затворник и другие святые, пустынники. Но они совершали Литургию не властью им данной, а в соединении, невидимом соединении всей Церкви: ангелов Божиих, святых, ангелов-хранителей тех, кого они поминают, как бы в непостижимом присутствии всех тех, кого они любовью в сердце своем носят, кого они приняли до самых глубин и молитву которых, жизнь которых, вечную судьбу которых они приносят Богу в дар: *Твоя от Твоих*, все, что Твое, мы Тебе отдаем.

И вот мы все собираемся на Литургию, и так грустно думать, что столько, столько православных людей приходят в церковь не только с опозданием, как будто хватит времени, служба длинная, и не только так, но первым делом закупают свечки, подают записки, занимаются

своим делом и часто, даже ставя свечи, даже проходя через храм, не замечают того, что происходит. Как мне бывает больно за них, когда священник выходит благословлять народ, а кто-либо стоит спиной и ставит свечу, или подходит к панихидному столу в тот момент, когда произносятся слова освящения Святых Даров. Мы должны об этом подумать все, все. Это не значит, что мы не можем по нужде опоздать, потому что не в пространстве, не во времени дело. Но в момент, когда мы вступаем в храм, мы уже должны быть погружены в страшное чудо нашей встречи и нашего соединения с Богом. Будем об этом думать.

Но каждый из нас по-иному участвует, в зависимости от своего места в Церкви. Один человек приходит с покаянием, с разбитым от боли и стыда сердцем и стоит, как мытарь, не смея подойти к Богу, только стоя у притолоки церковной и говоря: *Боже, милостив буди мне, грешному...* Он участвует полностью в Божественной литургии, если даже он и причащаться не будет, потому что через это свое покаяние он приобщился к тайне Христова распятия, Христова Воскресения, к тому, что Бог стал Человеком, чтобы он спасся. Если только был бы он на свете грешник, как Христос сказал одному священнику в древности, Он стал бы Человеком, чтобы никто не мог погибнуть. Другие приходят в храм с радостью, благодарностью встретить своего Бога, встретить Христа, милость Которого излилась на них. Некоторые приходят в разобщенности со Христом, и тогда должно совершиться нечто, что зависит от человека, от случая, который нельзя распределить по категориям.

Я уже вам рассказывал, но я повторяю это, потому что это сейчас кстати, как пришла ко мне одна молодая женщина, которая мне сказала, что с меня требуют родители, чтобы я каждый год на Пасху причащалась. Я не могу по совести этого сделать, я не верю ни в Бога, ни в Причастие, ни в Церковь, ни во что. Что мне делать? И я ей сказал: “Если даже ты подойдешь, я тебя не причащу, но давай разговаривать”. И мы в течение всего Поста раз в неделю встречались в пятницу. И я ничем не мог ей помочь. Чтобы я не говорил, это до нее не доходило или, вернее скажу: то что говорил было слишком жалко, ничтожно для того чтобы глубокую трагическую душу зажечь новой жизнью. И настала Великая Пятница, я ей сказал то, что сейчас вам сказал, и предложил стать у Плащаницы. Я буду молиться о том, что может быть Бог напоследок откроет мне что-нибудь. И мы стояли. И вдруг мне пришла одна мысль. Именно пришла: мне ясно было, что я ее не надумал. Я ей сказал: “Важно ли для тебя встретить Бога или нет?” Она мне ответила: “Да, если Бога нет, и смысла в жизни нет, и жить я не стану. Что мне делать?” Я ответил: “Не знаю”, - и продолжал не только докучать Богу, но стучаться в райские двери, что мне ей сказать. И пришла мне вторая мысль, и я ей сказал с сознанием, что это не моя мысль, потому что я ее оправдать не могу, я ей сказал: “Если ты сделаешь то, что я тебе скажу, я тебе обещаю, что ты встретишь Бога”. “Да! А что именно?” “Не знаю еще”. И мы снова погрузились в это трепетное молчание-ожидание, ожидание чуда, и пришла мне третья мысль, от которой я испугался до самых глубин, но которую я не мог не повторить, потому что она была настолько не моя, что она могла быть только Божия. Я сказал: “Завтра в Великую Субботу я буду совершать Литургию, ты подойдешь причащаться, но раньше, чем причаститься, ты вслух скажешь – Господи, моя семья мне ничего не дала, Твои священники оказались не способными открыть мое сердце Тебе, и теперь я стою перед Тобою, если Ты мне не ответишь, то я от Тебя уйду раз и навсегда и ответственность будет на Тебе”. Она мне сказала: “Я не могу этого сказать, если Бог существует, это – кощунство”. Я сказал: “Я за него отвечу”. И она подошла и сказала эти страшные слова, и причастилась Святых Тайн. И я уехал за границу в тот же день и получил через несколько дней письмо от нее: “Я не знаю еще есть ли Бог, но я достоверно знаю, что то, что я получила в Причащении - не хлеб и не вино, а что-то Иное”. И с этого началось преображение этого человека.

Бывало со мной так, что человек приходил исповедоваться, он не мог каяться, он не понимал своей греховности, ему не с чем было сравнить свою греховность. И после беседы я говорил: «Я не могу тебе дать разрешительную молитву, когда ты ни в чем не каешься, но приди сегодня и причастись Святых Тайн. Я ничего не могу, Бог может все». И несколько раз — я достоверно знаю — человек причащался и был исцелен, не телесно, а духовно. А бывает так, что человек не

должен причаститься, потому что он не верит в то, что он согрешил, не верит, что Бог вообще что-нибудь сделает. И тогда ему надо созреть, так болеть душой, так встретить жизнь трагично, чтобы что-то случилось.

Вот разные подходы, при которых люди участвуют в Божественной литургии не святостью своей, но даже греховностью, и не только покаянной греховностью, но недоумением, криком о помощи, отчаянием. И Христос, Который умер за каждого и за всех, каждого принимает с состраданием. Но это значит, что вся Церковь, то есть все люди, которые в храме находятся в этот момент, — совершители Божественной литургии, потому что они все рвутся ко Христу и готовы Его встретить, и Христос самым разным образом их встречает.

Мне вспомнилось сейчас, как однажды спросили святителя Николая Велимировича, сколько народа у него в епархии, и он ответил странным образом: «Не знаю. Я не знаю, сколько людей сегодня покаянием, голодом пришли ко Христу. Они составляют епархию, другие на краю ее еще не составляют ее. Сегодня, через час, завтра, через год, позже они будут ее частью, но сегодня — нет». Подумайте над этим, подумаем все, я тоже должен думать.

Хочу еще сказать о месте дьякона в совершении Литургии. Начнем как бы с конца: дьякона хоронят как мирянина, не как члена духовенства. Почему так? Потому что дьякон — человек, которого народ Божий, еще не созревший на то, чтобы влиться в алтарь, выбирает и посылает туда вместо себя. Никто не может по праву войти в алтарь, но этот человек, дьякон, служитель избирается с тем, чтобы в алтаре, у престола Божия, у проскомидийного стола, где совершается распятие Христово, у престола, где совершается освящение Святых Даров и Воскресение, представлять собой весь народ, каждого из нас. И когда он молится: *Миром Господу помолимся*, — он молится не как человек, который вне собравшегося народа, он — один из народа и он говорит: «Давайте, братья мои, сестры, молиться, вы меня поставили, послали в это страшное, трепетное место алтаря, чтобы вас представлять. Я вам сейчас буду предлагать молитву, которую я возношу от вашего, от нашего имени, от имени всей Церкви, включая Спасителя Христа». Какое страшное и дивное служение! Он уже там, куда мы все стремимся, в области встречи и единства с Богом. Мы еще не все созрели и одного человека посылаем к престолу Божию. С одной стороны, он предстоит за всех нас, молится за всех нас, а с другой стороны, мы молимся как бы в нем и через него.

И это не всегда легко для дьякона или для священника, когда он без дьякона совершает, поет в Литургии молитвенные прошения, потому что он должен открыться всем тем, которые находятся в храме, он должен так открыться, чтобы молитва каждого могла как бы по желобу течь через его сердце, через его ум, через все его существо возноситься к Богу. Вы себе представляете, что это значит? Он должен каждого из нас принять и сказать: «Господи, я его молитву, его самого включаю в себя. Я дам не только его молитвенным прошениям, но, может быть, всему ужасу его личности течь, как по руслу, через мое сердце, через мой ум, через все мое существо к Твоему Престолу, к Твоим ногам».

Я знаю молодого священника, который не мог в течение первых лет своего служения выносить одного своего прихожанина, но он знал, что не может совершить Литургию, не приняв его в глубины своего существа, сердца, ума. И он приходил за два часа до службы, стоял перед царскими вратами и говорил: «Господи, не могу, не могу!». И потом: «Я должен, я должен, иначе я не могу совершать службу, не могу совершать Литургию, если я этого человека исключаю». И после двух часов порой этот молодой священник вдруг мог сказать с помощью Христа силой Святого Духа: «Да, Господи, пусть этот человек прорвется в мое сердце, прорвется через все мое существо, как бы мне ни было страшно, как бы ни было это отвратительно, но я его вознесу к Тебе, Господи». И только тогда он дерзал начать совершать Литургию.

Вот на что мы посылаем дьякона. Часто мы думаем: ну да, это человек, который способен участвовать в богослужении, как бы руководить нами и службой. Но отдаем ли мы себе отчет в том, что каждый из нас через него прорывается к Богу, что наша греховность, наша отчужденность от Бога как бы врывается в его жизнь, и он их возносит с криком страха порой, боли, сострадания? А если он не в состоянии таким быть, он должен отказаться служить в этот день: я не могу служить

сегодня, представляя собой, вернее, вознося из своих недр молитву всех людей, кроме этого. Этот пусть останется вне Царства Божия... Я знаю случаи, когда человек пошел на это: отказался от совершения службы из-за этого.

Теперь хочу сказать несколько слов и о священнике. Священник избирается для того, чтобы совершать Литургию, будучи как бы иконой Христа, совершающего таинства: видимый образ Невидимого. Христос на самом деле совершает ее, но священник будет произносить слова и совершать действия, которые на самом деле не он совершает, а совершает Спаситель Христос. Я уже рассказывал вам, кажется, о молодом священнике, который готовился к совершению Литургии и вдруг почувствовал, что не может дерзнуть совершить ее. Он не может, не имеет право это сделать, он грешник, он недостойн, он стоит *на месте святе*, где только Христос имеет право стоять. И он уже собирался снять с себя облачение и уйти, оставив приход без службы, объяснив людям, в чем дело, когда вдруг он почувствовал, что между престолом и им *Кто-то* встал. И он знал, что стоит Господь Иисус Христос, что он, священник, будет говорить слова, будет совершать действия, но чудо освящения Святых Даров будет совершать Христос, Который уже во время жизни Своей на земле в Себе Самом его совершил закланием Своим, смертью на кресте, погребением, и воскресением, и даром Святого Духа Своим ученикам.

Вот все, кто участник и совершитель Божественной литургии: Бог во Святой Троице, ангелы Божии, святые, весь народ в совокупности своей, каждый из нас лично, приносящий Богу свою ответственность и свою готовность, и свою открытость, и свой крик души, и свое покаяние, и свою благодарность, все мы, и отдельные люди, которые избираются на это служение и которым так страшно стоять там, где только Христос имеет право служить, стоять в алтаре, о котором я подробно говорил как о месте святом, о месте, где Бог и вся святость как бы вливается в тварь.

Хочу прибавить еще нечто. Божественная литургия, как и любое таинство, совершается только при наличии вещества: хлеба, вина, воды, масла и т. д. И в этом смысле, хотя мы этого не замечаем, в Литургии нам указывается на ценность вещества, конкретно — в лице, так сказать, хлеба, приготовленного, испеченного с верой человеком, который хочет от своего труда сделать Богу посильный подарок, как Авель приносил плод от своих трудов Богу и был принят Богом. Но хлеб — это же плод земли, которую Бог создал плодотворной, зерна, которое Бог создал способным принести плод. Орошается земля, оживает зерно от росы, от дождя, от работы человеческой. И вся земля, все тварное участвует таким образом в совершении Божественной литургии с той, может быть, разницей (это, возможно, вам покажется странным, страшным), что мы, грешники, участвуем в Литургии недостойно. А хлеб, вино, вода, все вещество, что входит в область таинств, безгрешно. Как сказал один из отцов Церкви, только человек грешен, вся тварь осталась безгрешной, но стала мученицей, потому что на ней лежит человеческий грех. Хлеб не грешит, вино не грешит, дерево не грешит, земля не грешит. Они поработаны человеком, греховностью его. Как св. Феодор Студит говорит: “Вся тварь подобно доброму коню, на котором верхом сидит пьяный всадник”. Как бы не бесился конь, он не своим бешенством бесится, а бешенством всадника. То, что мы приносим Богу, чисто, свято по себе. Если оно и осквернено, то только нашими руками, нашими мыслями, нашей собственной сердечной нечистотой, но когда вносится в алтарь, тогда волна Божественной благодати охватывает все вносимое в алтарь и оно делается способным стать естественной, простой опорой таинства. Хлеб и вино в алтаре силой Святого Духа приобщаются Христу Богу и Человеку в Его воплощении и делаются способными стать Телом и Кровью Христовыми.

Я на этом кончу свою беседу. Я надеюсь, надеюсь, что она вам не показалась совершенно безумной, совершенной фантазией. Это не мечта, это мною пережитое, но — Боже мой! — как поверхностно в сравнении с тем, о чем я говорю и что вы, может быть, знаете много-много раз лучше меня. Простите меня, простите!.. Я только потому дерзаю так говорить, что есть слово у святого Иоанна Лествичника, где он говорит о Страшном суде и о том, как Бог одному человеку говорит: «Ты согрешил, тебе нет места в Царстве Божием». И человек опускает голову с готовностью уйти. И вдруг восстает множество народа и говорит: «Господи, прости ему. Он

оказался недостойным всего того, что он знал, но если бы он не говорил, то мы бы не знали и не последовали бы за Тобой. Ради того, что он нам дал, помилуй его!»¹. Вот единственная моя надежда.

(Труды. Книга вторая. М.: Практика, 2007. С. 124 – 130).

¹ Ср.: Преподобный Иоанн, игумен Синайский. Лествица. Сергиев Посад, 1908 (репр. 1994), с. 204. Слово 26, о рассуждении. П. 154.